

ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ

РАСЦВЕТ РЕСПУБЛИКИ

ИСКАНИЯ ДЖЕДАЕВ

Это эпоха Великих исследований.

В надежде объединить Галактику канцлеры
Республики вместе с отважными и мудрыми
рыцарями-джедаями отправляют десятки
ПЕРВОПРОХОДЧЕСКИХ КОМАНД
к самым дальним рубежам Внешнего кольца.

Но это и эпоха неопределенности. Связь
неустойчива, а среди граждан гуляют слухи
о таинственных планетах и чудовищных
созданиях. Разведчики и пираты бороздят
пограничье, а планеты Айрем и Э'роно
сражаются в БЕСКОНЕЧНОЙ ВОЙНЕ.

А на далекой планете ДОЛНА
уже зреет новая угроза всей
Галактике...

ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ ХРОНОЛОГИЯ

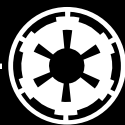
РАСЦВЕТ
РЕСПУБЛИКИ

ЗАКАТ
ДЖЕДАЕВ

ГОСПОДСТВО
ИМПЕРИИ

СКРЫТАЯ УГРОЗА

АТАКА КЛОНОВ

ВОЙНЫ КЛОНОВ

МЕСТЬ СИТХОВ

БРАКОВАННАЯ
ПАРТИЯ

ХАН СОЛО.
ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ:
ИСТОРИИ

ЭПОХА
ВОССТАНИЯ

НОВАЯ
РЕСПУБЛИКА

ВОЗВЫШЕНИЕ
ПЕРВОГО ОРДЕНА

ПОВСТАНЦЫ

ИЗГОЙ-ОДИН.
ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ:
ИСТОРИИ

НОВАЯ НАДЕЖДА

ИМПЕРИЯ НАНОСИТ
ОТВЕТНЫЙ УДАР

ВОЗВРАЩЕНИЕ
ДЖЕДАЯ

МАНДАЛОРЕЦ

КНИГА
БОБЫ ФЕТТА

СОПРОТИВЛЕНИЕ

ПРОБУЖДЕНИЕ
СИЛЫ

ПОСЛЕДНИЕ
ДЖЕДАИ

СКАЙУОКЕР.
ВОСХОД

ПРОЛОГ

Радиказ Доббс, которого друзья называли Счастливецem, а враги — словами куда похуже, опустил свою выдающую виды прогулочную яхту на посадочную площадку Долны, захолустной планеты на задворках космического пространства. Всевозможные лишения и тяготы были неизменными спутниками пограничных территорий, и все же Счастливецem впервые довелось увидеть столь убогую причальную станцию. Не площадка, а какая-то помойка. К тому же, когда Счастливецem вошел в верхние слои атмосферы, местный начальник порта даже не удосужился выдать ему точные координаты для приземления. Из динамика вместе с треском помех донеслось лишь: «Садись где угодно». Это самое «где угодно» представляло собой огромную пустошь, словно вытопанную в ходе массовой миграции бант. Сажая корабль, носящий имя «Шпигат», Счастливецem задумался: что коллекционер редких артефактов, имеющих

отношение к Силе, вообще мог забыть в такой унылой дыре?

Но слишком долго мусолить эту мысль он не стал. Кредиты, откуда бы они ни взялись, не пахнут.

Посадка прошла без происшествий, а благодаря своему убогому виду корабль не привлечет лишнего внимания, даже здесь, в самой жалкой пародии на причальную станцию, какую Счастливицу только доводилось видеть. И даже если начальнику порта взбредет в голову провести выборочный осмотр, он все равно не заметит ничего подозрительного: внутреннее убранство «Шпигата» было под стать его внешнему облику. Старая обшарпанная палуба, да еще этот непонятный запах, который никак не удавалось вывести, сколько бы раз Счастливец ни приказывал своему дроиду-технику DZ-23 отскрести переборки. Но за показной ветхостью скрывались мощные досветовые двигатели, ряд сейфов с кодовыми замками, а также новейшее инфохранилище и суперсовременный навикомпьютер. Счастливицу нравилось всегда быть на ход впереди соперников, в какую бы игру ни приходилось играть.

После приземления пилот припрятал кое-какие из самых ценных артефактов, предназначенных для покупателей посерьезнее, собрал оставшиеся предметы и осторожно упаковал, прежде чем убрать в заплечный мешок. Он бы никогда не взял все свои сокровища разом — только какую-то их часть. Может, он и новичок в сбыте краденого — это лишь одно из многих занятий, которые помогали сводить концы с концами, — зато он все схватывает на лету. Галактика живет по рафтаровым законам,

и Счастливец упорно не хотел становиться чьим-нибудь обедом.

Он уже собрался было сойти с корабля, как вдруг снаружи раздался грохот ударов. Счастливец ввел код на цифровой панели, и трап опустился. Опоры стабилизаторов в его нижней части встали на место, издав чавкающий звук, от которого Счастливец невольно содрогнулся. Взглянув вниз, чтобы выяснить, кто колотил по обшивке, он обнаружил громадного наутоланина, облаченного в необычный серо-голубой балахон. Лоб инородца пересекали мазки голубой краски, и такая же краска украшала его голые руки. Но самым примечательным в облике незнакомца было вовсе не это. Его отростки были срезаны, так что на голове у него остались лишь кошмарные мясистые обрубки, которые теперь служили горьким напоминанием: даже несмотря на добродушную улыбку наутоланина, Галактика, равно как и ее обитатели, могла быть очень и очень жестокой.

— А вы, верно, Счастливец? — предположил инородец, обратив ладони к небу и низко поклонившись. — Очень приятно с вами познакомиться. Можете звать меня Глашатаем.

Счастливцу стало сильно не по себе.

— Откуда вы знаете, кто я такой?

Уголки губ наутоланина тронула слабая улыбка, которая тут же исчезла. Он расправил плечи. В блестящих черных глазах не было ни намека на лукавство.

— Матерь попросила меня встретить вас. Фердан ей не по душе, и по возможности она старается не появляться в городе. Близость к столь большому числу живых существ порой сказывается на ее способности

контактировать с Силой. Будьте так любезны, следуйте за мной.

Счастливец совершенно не хотелось следовать за наутоланином, но женщина, с которой он обменивался посланиями, пообещала кругленькую сумму, если он сможет добыть интересные артефакты. И поэтому Счастливец, у которого истекал срок погашения огромного карточного долга картелю хаттов, незаметно коснулся пояса, убедился, что бластер на месте, и покорно зашагал за инородцем.

— Наш лагерь недалеко отсюда, — сказал Глашатай, направляясь к чуть менее грязной дороге, которая уходила прочь от маленького поселения.

— Мы покидаем Фердан? — уточнил Счастливец.

— Да. Наш лагерь расположен за пределами города.

— Это вы называете городом? — бросил Счастливец, рассматривая зевак, наблюдавших за их уходом.

По большей части местные обитатели не обращали на них особого внимания, но попадались и те, кто останавливался, чтобы сделать жест, знакомый Счастлиvcу по игре в райкестру, — этот жест был призван отводить неудачи. Счастливец взвесил в руке свой мешок и бросил беглый взгляд на Глашатая.

— Да, Долна — мирная и слабозаселенная планета. Поэтому мы, Тропа открытой руки, и выбрали это место своим домом. Здесь нас почти ничто не отвлекает. Однако стоит поторопиться. Сейчас на Долне сезон дождей, и в это время года у вас есть все шансы вымокнуть до нитки, если задержитесь под открытым небом.

Счастливец попытался ускориться, но он был тучным и низким, а наутоланин — высоким и крепко сложенным. К тому времени как впереди замаячили первые по-

стройки, принадлежащие Тропе, Счастливец уже тяжело пыхтел. И хотя Глашатай неоднократно предлагал взять у него мешок, Счастливец продолжал крепко сжимать его в руках. Было в этом странном инородце что-то подозрительное. Да и эксцентричное поведение обитателей Фердана несколько действовало на нервы.

Преодолев в компании своего проводника плавный изгиб грязной дороги, Счастливец обнаружил, что их уже поджидает кучка местных — все в одеяниях, как у Глашатая. Тут Счастливец сообразил, что эти одеяния подчинялись определенной логике: в чьих-то нарядах преобладал голубой цвет, нежели серый, а члены общины постарше не гнушались украшений — причудливых бус и ярких мазков голубой краски на лицах. Единственным человеком в этой толпе была женщина с коричневой кожей, мягкими кудрями и ясными глазами. На ней красовался серебристый наряд, который выглядел куда изящнее, чем у остальных. Незнакомка спокойно и дружелюбно улыбалась.

— Счастливец Доббс, Сила свободно приветствует вас, — сказала она и исполнила краткую версия поклона, которым ранее Счастливица одарил Глашатай. Ее раскрытые ладони смотрели в небо, но наклоняться и закрывать глаза она не стала. Вместо этого она лишь слегка склонила голову в сторону нового знакомого, не сводя с него взгляда.

Счастливец заморгал, на мгновение забывшись. Все его тревоги мигом улетучились.

— А вы, должно быть, Матерь.

— Прошу, зовите меня Элисия. Матерь — это титул, а не имя. — Она одарила его улыбкой, и Счастливец по-

чувствовал, как по телу растекается тепло, словно он немного перебрал с выпивкой. — Вот некоторые из наших старейшин. Они помогают мне в принятии сложных решений.

— Выбор вас ждет не самый сложный, — заявил Счастливец. Он нутром чуял скорую прибыль. Взвесив в руке свой мешок, он расплылся в улыбке. — Все эти артефакты — настоящая услада для глаз, и каждый из них связан с Силой всеми возможными способами.

Элисия еще шире улыбнулась.

— Очень надеюсь, что это действительно так. Пойдемте. После столь долгого путешествия вы наверняка совсем выбились из сил. В главном зале найдутся напитки.

Идя по лагерю, Счастливец рассеянно скользил взглядом по детям, которые играли в траве. Все они выглядели как уменьшенные копии взрослых: серо-голубые балахоны, голубые отметины на лицах. Попадались и вольготно разлегшиеся мальчики и девочки постарше, которые о чем-то болтали друг с другом, и группка малышни, которая была увлечена замысловатой игрой: они пытались без помощи рук удержать какой-то мешочек в воздухе и не дать ему оказаться за пределами круга. Совершенно обычная картина, если бы не странные одеяния и краска на лицах ребятни. Но даже несмотря на причудливость происходящего вокруг, взгляд Счастлильца неизменно возвращался к Матери. Он поглядывал на нее так часто, что это не укрылось от глаз одной из старейшин. Тви'лека с изборожденными морщинами левку улыбнулась ему.

— Она прекрасна, правда? — спросила инородка.

— Э-э-э, да. Да, еще как.

— Это потому, что через нее струится Сила, — объяснила женщина. — Матерь говорит от ее имени, и взамен Сила осеняет ее решимостью и красотой.

Счастливец нахмурился и спросил:

— Она что, джедай?

Джедаи и их игры с разумом нисколько его не заботили.

Но старая твильека шикнула и отпрянула назад:

— Нет! Матерь — прорицательница. Она знает, что Сила должна быть свободной, что нельзя превращать ее в оружие.

Тут Элисия оглянулась на Счастлинца и подарила ему еще одну улыбку.

— Вот мы и пришли, — оповестила она. — Старейшины, я бы попросила вас к нам присоединиться, но вам стоит заняться медитацией. Если вы не возражаете, Глашатай расскажет вам о принятом решении позднее.

Один за другим старейшины кивнули и покинули их, направившись ко входу в большую пещеру. Элисия снова повернулась к Счастливцу:

— Надеюсь, вы не против. Я подумала, что уединение нам не помешает.

— Гм... Ну да, — с трудом выдавил он из себя.

Эта женщина будто опьяняла его. Опьяняла настолько, что ему сложно было сосредоточиться на собственных мыслях. Возможно, все дело в этой планете? Воздух тут свеж и сладок, а цветы склоняют свои головки, повинувшись легчайшим дуновениям ветерка. Зрелище было без преувеличения идиллическое, и у Счастлинца возникло ощущение, что он грезит наяву. Ему хотелось остаться в этом чудесном месте, в компании этой чудесной жен-

щины. Сама мысль о том, чтобы улететь отсюда, казалась невозможной.

Но потом Матерь прикоснулась к тыльной стороне его ладони, и странное наваждение прошло — лопнуло, как мыльный пузырь.

— Господин Доббс, вы в порядке?

— Зовите меня Счастливецem, госпожа Элисия. — Он робко улыбнулся. — Простите, я, кажется, на мгновение утратил связь с реальностью.

— Это все солнечная болезнь, — со знанием дела кивнул Глашатай. — Иногда такое случается. Двойные солнца Долны могут оказаться довольно суровы к тем, кому прежде не доводилось жить под столь интенсивным сиянием.

— Давайте скорее пройдем внутрь, чтобы избежать дальнейших проблем, — предложила Матерь. — Там есть прохладные напитки, с ними вам должно стать полегче.

Они вошли в зал собраний. Здесь, как и во всем остальном лагере, царили чистота и порядок, но совершенно отсутствовали какие бы то ни было украшения. И только на стенах из странной горной породы можно было различить орнаменты. Счастливец же ожидал увидеть что-то вроде корусантского Храма джедаев: шпили, картины и все в этом духе. Ребенком он однажды посетил Храм, хотя теперь уже и не помнил, как и с кем он там оказался. Зато в памяти ярко отпечаталось ощущение собственной ничтожности.

Но здесь он не испытывал ничего подобного. Напротив, он ощущал тепло и радушие, как будто после долгой разлуки наконец воссоединился с семьей.

Глашатай указал рукой на пустой стол, стоявший в стороне.

— Можете разложить свои товары здесь, а я пока схожу за напитками, — сказал он.

Наутоланин устремился прочь, а Матерь подошла к столу, рассматривая предметы, которые один за другим выкладывал Счастливец. Он пытался сохранять молчание, сосредоточившись на своих действиях, но присутствие Матери нервировало, а в этом состоянии он частенько начинал трепать языком.

— Так вы чувствительны к Силе? — начал он.

Матерь нахмурилась, и он тут же понял, что ляпнул что-то не то.

— Нет, я прорицательница. Я не использую Силу. Я общаюсь с ней и стараюсь донести ее волю всем, кто готов ее слушать.

— Вот как. Глашатай упомянул, что город вам не по душе из-за скопления народа.

Матерь взяла со стола браслет, нахмурилась и тут же положила его обратно.

— Сила — это сама жизнь. Постоянное соседство рядом с ней может утомлять. — Она помолчала, словно что-то обдумывая. — Представьте битком набитую комнату, где все кричат друг на друга на несчетном множестве языков. Вот как я себя чувствую, когда оказываюсь в городе. Там царит шум. Суматоха. Ничего приятного. Поэтому я предпочитаю туда не ходить. Здесь мне проще общаться с Силой. А еще лучше оказаться среди звезд, на борту нашего корабля, «Электровзора». Там нет ничего лишнего. Только гармония Галактики, Силы и ее удивительного дыхания.

Счастливец помешкал, наблюдая за Матерью, за тем, как горят ее глаза, когда она говорит. Он почувствовал,

как внутри него что-то перевернулось, и понял, что готов на все, лишь бы сделать эту женщину счастливой. Вот так. А ее улыбка будет достаточной наградой за его старания.

Но тут Мать вновь нахмурилась:

— Вы в порядке? У вас очень странное выражение лица.

Не успел Счастливец ничего ответить, как вернулся Глашатай с подносом, на котором стояли два стакана чая. Один стакан инородец вручил Счастливицу, а другой — Матери, ясно дав понять, что сам воздержится от угощений. Как только Счастливец и Мать утолили жажду, гигант-наутоланин прочистил горло:

— Ваша коллекция артефактов впечатляет, но, кажется, это не совсем то, что мы ищем. Изначально мы связались с вами для поиска артефакта, именуемого Жезлом веков. Это часть комплекта. Помимо него, в набор входят Жезл времен года, которым владеет королевская семья Хайнестии, и Жезл рассвета. Последний, по слухам, хранится под замком в музее на Джеде.

— Ах да, да. — Счастливец сделал большой глоток чая и только потом снова повернулся к принесенным товарам. В основном на столе лежала всякая дребедень. По сути, обычное барахло. Но он-то рассчитывал, что жители этой глухомани ничего в этом не смыслят. — Боюсь, что это всего лишь легенда. Но зато у меня тут есть очень славный браслет. Говорят, когда-то он принадлежал повелителю ситхов.

— Это совсем не то, что нам нужно, — сказала Мать, не скрывая своего разочарования. — Наша община стремится освободить Силу. И для этого мы пользуемся всеми возможными способами, в том числе стараемся за-

получить артефакты Силы, чтобы больше никто не смог им навредить. Мне очень жаль, что мы зря потратили ваше время и вам пришлось проделать столь долгий путь впустую. Вас одурачили. Ни в одном из этих предметов нет ни намека на Силу.

Счастливец насупился. Он почувствовал, как деньги утекают сквозь пальцы.

— Вы уверены? Ну, а хотя бы вот этот кубок? Он принадлежал джедаю, который в одиночку положил конец гражданской войне планетарного масштаба!

Мать одарила его печальной улыбкой, как если бы он был ребенком, не желающим слишком рано отправляться в постель.

— Совершенно уверена. Однако не беспокойтесь, мы в любом случае возместим ваши расходы на топливо, как и договаривались.

— Но подождите! У меня есть кое-что еще. — Счастливец приподнял свой мешок. В каком-то необъяснимом порыве он прихватил с собой эту штуковину, поскольку она была самым непонятным предметом в его коллекции. — Родом с далекой планеты, по ту сторону круговорота. Неизвестное место, полное жизни и окутанное Силой.

Мать приподняла брови:

— Правда?

— Да, — ответил Счастливец, вытаскивая из мешка свое сокровище.

Предмет был неправдоподобных размеров и весом с туку, страдающую избыточным весом. Для ювелирного изделия он был слишком громоздким, для аксессуара — слишком вульгарным. Мало того, у тех нескольких клиентов, кому Счастливец пытался продать сей шедевр,

он вызывал неподдельное отвращение, как будто у них перед глазами оказывалось нечто куда более гнусное, чем округлый камень, излучающий фиолетовое свечение.

Но стоило Счастливицу полностью извлечь предмет из мешка, как Матерь громко ахнула:

— О да. — Она взяла его в руки — так ловко, будто тот ничего не весил, — и прижала к груди. На лице женщины застыло восхищенное выражение. — Я слышу в нем голос Силы, чудесный и могущественный! О, Сила будет счастлива освободиться. Мы возьмем этот товар, Счастливец. Прошу, назовите свою цену.

Счастливец заморгал. Он вдруг понял, что совсем не хочет прощаться. Не так быстро. Было в этой женщине что-то хорошее, искреннее и честное. Счастливец и сам всегда хотел быть хорошим, но вот с честностью пока получалось не очень.

— Быть может, взамен вы разрешите мне помочь вам с поисками других артефактов? — предложил он. — Помочь вам освободить Силу. — Матерь нахмурилась, и он спохватился, что даже ничего не попросил за свою диковинку. — За небольшую плату, разумеется.

Повисло молчание, и Счастливец испугался, что переступил границу дозволенного. Но затем Матерь улыбнулась — ему и только ему! — и тогда он осознал, что возможность отказа приводит его в неописуемый ужас.

— Счастливец, это замечательная идея. Я буду рада с вами сотрудничать.

Счастливец улыбнулся ей в ответ. Все это время он скитался по Галактике в поисках места, где ему будут рады. И вот наконец он его нашел — на захолустной планете на задворках космического пространства.

ГЛАВА I

Когда падавана Кевмо Зинка вместе с его учителем только командировали во Внешнее кольцо, воображение рисовало ему долгие расследования, необычайные события, грязные кантины, встречи с контрабандистами, ворами, пиратами, фермерами-выгодобытчиками и развалившимися дроидами, а еще — если повезет — путешествие на Джеду. Меньше всего он ожидал, что совсем скоро ему придется балансировать на ржавом скимборде над гигантской стаей луговых акул, чьи мощные тела покрывали золотистые полоски. И вот он был здесь, и все поголовье из семнадцати тысяч особей несло по степи прямо на него.

И это было просто потрясающе!

— Кев, шевелись! — выкрикнула его наставница Залла Макри с противоположного края пустоши.

Падаван с трудом различил ее голос по комлинку: его заглушал топот десятков тысяч когтистых лап,

скребущих траву и взбивающих облака ярко-красной пыли.

Надавив пяткой на заднюю часть скимборда, Кевмо рванул вперед, наклонился и крутанулся в воздухе. Полы его одежды затрепетали на ветру. Падаван зажгет световой меч и сделал широкий замах прямо перед надвигающейся на него стаей.

Луговые акулы пронзительно взвыли и отпрянули. Те из них, что двигались во главе стаи, вонзились своими изогнутыми бивнями в акул из следующего ряда. То же самое постепенно происходило со всеми остальными особями. Подобно костяшкам домино, которые при падении влекут друг друга за собой, акулы разворачивались в сторону Заллы, готовившейся сделать следующий замах оружием. Кевмо издал ликующий вопль и помахал своим сияющим желтым клинком, подавая сигнал учителю.

Залла, которая издалека казалась крошечной фигуркой, поднялась на своем скимборде повыше в воздух и грациозно направила доску навстречу стае.

Они играли в эту игру вот уже несколько часов, заставляя стаю метаться из стороны в сторону, поскольку остановить эту лавину было невозможно. Луговые акулы мигрировали каждые пять лет. Десятки небольших стай встречались к северу отсюда, чтобы вместе совершить переход к традиционному месту спаривания на юге. Все то время, что на краю степи существовало поселение, стая предпочитала перебираться на юг через каньон, располагавшийся несколько западнее жилищ. Акулы каждый раз обходили торговый пост стороной, и около сотни местных жителей просто пережидали миграцию за горным кряжем, возвышавшимся сейчас за спиной Кевмо.

Однако в этот раз что-то заставило животных изменить привычный маршрут. Если джедаи не уведут их в сторону, все поселение мигом превратится в фарш.

К счастью, еще один джедай, Эзлин Релл, прямо сейчас работал над решением этой проблемы. Вот только ему следовало немного поторопиться.

Кевмо разрывался. Он не мог отвести глаз от холодного голубого сияния меча Заллы, и в то же время его зачаровывало зрелище под собственной доской. У луговых акул было по шесть ног, на их шкуре красовались золотые полосы, а еще эти невероятные животные могли похвастать огромными зубами, которыми они легко перемалывали все на своем пути, и причудливо изогнутыми бивнями. Словом, на обычных акул они едва ли походили. Одна из них приподняла рыло и завывала. Этот рев эхом разнесся по всей стае, и поднявшийся шум заглушил даже мысли в голове.

Справа от Кева за горизонт заходило маленькое красное солнце, и по небу разливалось теплое сияние, мутноватое от красной пыли, частички которой витали в воздухе. Дважды джедаям удалось согнать акул в огромный круг и направить на север, вот только каждый раз вожак неизменно возобновлял движение на юг. Кевмо устал. К тому же он совершенно ничего не знал об этих акулах. Остановит ли их наступление ночи? В темноте будет непросто отгонять животных от неправильного каньона.

— Эзлин, как успехи? — прокричал он в свой комлинк. — Не знаю, сколько мы еще продержимся. А когда солнце сядет...

— Можно было уже всех эвакуировать, — недовольно добавила Залла.

— Почти готово, — заявил Эзлин. — Еще пару минут, и С-9...

Остальных заверений Эзлина Кевмо уже не услышал. Издав громкий вскрик, его скимборд вдруг выпустил клуб маслянистого дыма и вздрогнул.

Кев взвизгнул и завалился на бок. С помощью Силы ему удалось отцепить ботинки от доски. После этого он потратил массу усилий на то, чтобы упасть подальше от несметной стаи.

Падаван свалился на твердую землю, и от удара воздух вышибло из легких. Но парень нашел в себе силы перекатиться и вскочить на ноги. Он побежал, крепко сжимая в руке световой меч. За его спиной раздавались гром шагов, ворчание, пронзительный рев. Кевмо устремился к скоплению валунов у подножия красных скал. Залла что-то кричала в комлинк, но на бегу он ее не расслышал, а остановиться и переспросить было бы не самой удачной идеей. Наконец падаван добрался до первой глыбы и подпрыгнул, ухватившись за покрытый лишайником камень. Он подтянулся и быстро припал к поверхности валуна.

Стая свернула в сторону, обогнула скалы и бросилась прочь от хребта. Кев увидел голубую вспышку и понял, что Залла уже где-то рядом. Она пронеслась мимо него на собственном скимборде, резко спикировала вниз с мечом наголо и переполошила резким появлением вожаков стаи. Мучительно, но стая все же вновь изменила направление.

Громко стучащая в ушах Кевмо кровь заглушала даже топот стаи и вибрации валуна под ногами. Парень скривился от запульсировавшей в голове боли. Теперь, когда

он смог перевести дух, бедро и ребра начали ныть. Вот же ржавая железяка! Хорошо еще, что проклятый скимборд продержался хотя бы столько. Все будет в порядке, вот только перекусить бы не помешало. Юный падаван вытер пот со лба и взглянул на свою руку. Тыльную сторону обычно голубой ладони покрывала блеклая красная пыль.

Помыться бы тоже не помешало.

И вдруг в поведении луговых акул что-то изменилось, хотя Кевмо не заметил никаких перемен в свете, воздухе или Силе, да и Залла продолжала делать все то же, что и раньше. Но животные стали двигаться более упорядоченно и целеустремленно направились к западному каньону. Выглядело все так, словно все семнадцать тысяч особей разом сообразили, куда им нужно бежать.

Кевмо выпрямился и с нетерпением потянулся, встав на цыпочки. Прикрыв ладонью глаза от света закатного солнца, другой рукой он нажал кнопку на комлинке.

— Что бы это ни было, Эзлин, кажется, сработало.

— Рад слышать, — отозвался Эзлин.

А потом из комлинки раздался голос Заллы:

— Я еще немного послежу за движением стаи, дабы убедиться, что все теперь на мази. Эзлин, заберешь Кевмо? Мой ученик остался без скимборда.

Кевмо недовольно скривился.

— Все нормально!

— Уже в пути, — заявил Эзлин.

Никто из взрослых джедаев не обратил ни малейшего внимания на возражения падавана.

И все-таки на то, чтобы все семнадцать тысяч животных ушли в сторону каньона, потребуется какое-то время.

Так что Кевмо вполне мог позволить себе растянуться на валуне и, коротая время, поразмыслить о событиях последних часов. Что им удалось сделать! Теперь он чувствовал еще большую благодарность за то, что оказался здесь.

Кевмо уже почти два года ходил в падаванах Заллы. Последние четыре месяца они базировались на новом аванпосту джедаев в Порт-Хейлипе и успели побывать на каком-то невероятном количестве заданий. Некоторые из них вполне оправдали ожидания Кева: джедаи сопровождали высокопоставленных гостей и дипломатов в их поездках, нянчились с парочкой преступников, а еще разобрались с шайкой контрабандистов, пытавшихся сойтись с хаттами. Не далее чем три дня назад они спасли группу разведчиков гиперпространства, которым не повезло потерпеть крушение в разгар супершторма на покрытой океанами луне Амлока. Им тогда нужно было сразу возвращаться в Порт-Хейлип, но Залла отчего-то засомневалась и решила задержаться в системе Амлока еще на денек. В самой системе ничего не произошло, но благодаря отложенному отлету они оказались в нужном месте в нужное время и получили от Эзлина Релла сигнал о бедствии, после чего смогли добраться до планеты Тиикей как раз вовремя, чтобы спасти поселение от надвигающейся стаи луговых акул. Они очутились ровно там, где Сила в них нуждалась.

Кевмо вальяжно расселся на валуне, опершись на руки, и широко улыбнулся. Он любил Силу, любил эту работу. Всю долину наполняли шум и гам от стаи луговых акул, маленькое красное солнце отбрасывало тусклый свет

на острые вершины скал, а небо окрасилось в роскошный фиолетовый цвет. Падаван совсем выбился из сил, ему ужасно хотелось что-нибудь съесть и помыться, но он все равно чувствовал себя превосходно.

Пограничье оказалось потрясающим местом. Пожалуй, Кевмо даже не стал бы возражать, если бы ему пришлось остаться здесь навсегда.

Послышалось гудение двигателя, и Кевмо внезапно осознал, что стая акул и впрямь удалялась, раз теперь можно было различить что-то помимо ее шума. Падаван обернулся и увидел, как к нему с жужжанием приближается челнок Эзлина. Кевмо поднялся на ноги и, смеясь, принялся размахивать обеими руками. Челнок замедлился и завис рядом со скалой. С оглушительным грохотом он выпустил посадочные опоры. Парень прыгнул со своего места на землю и бросился к трапу. Смахнув с лица красную пыль, он вбежал внутрь и прокричал:

— Спасибо, Эзлин! Я тут!

Пол под ним дрогнул, и Кев машинально оперся на переборку, чтобы сохранить равновесие. Это был обычный челнок, правда, поменьше того, на котором Кев с Заллой летали на свои миссии и на борту которого им частенько приходилось даже спать. Впрочем, Кевмо прекрасно знал, как попасть прямо в кабину. Он чуть не споткнулся о низенького дроида-астромеханика с зелеными отметинами, парой боковых опор с колесиками и забавным крошечным зажимом, который торчал прямо из верхушки его куполообразной головы. Последний атрибут не входил в стандартную комплектацию астромеров.

— А ты, должно быть, С-9, — обратился к нему Кевмо, слегка поклонившись.

Дроид что-то пропищал и с удивительным для столь тесного пространства проворством развернулся, чтобы проводить Кевмо в кабину.

Через лобовой обзорный экран внутрь проникали ярко-красные солнечные лучи, освещая пульт управления.

Когда Кевмо вошел в кабину, на него через плечо взглянул джедай-человек со смуглой кожей и короткими темными волосами — не кто иной, как Эзлин Релл.

— Спасибо за помощь, — поблагодарил он и снова отвернулся к пультам управления. Челнок накренился, набирая скорость. — Залла сообщила, что встретит нас в порту, где стоит ваш корабль.

Кевмо сел в кресло второго пилота и поборол искушение потянуться, чтобы хорошенько размять уставшие ноги. С Заллой ему это с рук не сойдет, так что лучше падавану не позорить свою наставницу перед другим джедаем. Но Кевмо позволил себе улыбнуться:

— Это было просто потрясающе. Даже не верится, что мы справились! Но как вам это удалось?

— Мы выяснили, что во время миграции луговые акулы руководствуются магнитным полем планеты. Со времени их последнего перехода поле изменилось настолько, что акулы тоже изменили привычный маршрут. Теперь он пролегал совсем рядом с поселением.

Кевмо выпрямился в своем кресле:

— Вы же не могли поменять магнитное поле целой планеты.

Эзлин покосился на падавана, как будто смущенный этими словами.

— Нет. Разумеется, нет. С-9 помог мне перенастроить коммуникационную вышку, чтобы их обхитрить.

— Обхитрить! — расхохотался Кевмо.

С-9 издал серию гудков. В них было столько гордости, что не нужно было владеть бинарным языком, чтобы понять, о чем говорит маленький дроид. Но Эзлин покачал головой.

— Это наша работа, — возразил он.

Кевмо хотел было фыркнуть, но сдержался и просто улыбнулся.

— Да, — кивнул он. — Но это все равно очень здорово.

— Мы проделали тот же трюк на Алдераане, — сказал Эзлин. — Чтобы стаи кожистых полуночников не влетали в самые высокие здания.

Падаван кивнул и наклонился поближе к обзорному экрану, вглядываясь в огни поселения, показавшиеся из-за хребта. Ему еще не довелось хоть что-нибудь увидеть на этой планете, не считая семнадцати тысяч луговых акул и несметного количества красной пыли.

— А чем тут можно перекусить повкуснее? — поинтересовался он у Эзлина.

Час спустя умытый и согретый Кевмо уютно устроился в отдельной нише прокуренной таверны с помаргивающими лампами. Он с аппетитом уплетал яркое красное рагу с крошечными вареными семенами, которые лопались во рту, стоило лишь начать их жевать. Эзлин заказал себе то же блюдо, а еще к ним наконец присоединилась Залла, следом за Кевмо принявшая быстрый душ в их челноке. Ее короткие белые волосы еще не вы-

сохли, и зойканка зачесала их назад. Залла была высокой и грациозной. Казалось, будто она целиком вырезана из льда — начиная от высокого лба и точеного лица и заканчивая серебристой кожей, лиловыми глазами и безупречно холодной манерой держать себя. Однако, присоединившись к ним за столом, Залла едва заметно улыбнулась своему ученику. Кевмо воспринял эту улыбку как самую высокую похвалу и широко ухмыльнулся в ответ.

Вначале Кевмо совсем не понимал, почему Залла выбрала его своим падаваном. Он был очень общительным и не мог усидеть на месте, действовал сгоряча, ненароком флиртовал чуть ли не с каждым живым существом, встречавшимся на пути, и вообще постоянно испытывал тактильный голод. Залле же не нравилось, когда ее трогают. В целом Кевмо умел себя сдерживать и за последнее время стал еще лучше справляться со своей беспокойной натурой, но все-таки порой совладать с ним было непросто.

Разумеется, Залла идеально подходила ему в качестве учителя. Она методично и очень деликатно, без лишнего фанатизма, помогала ему налаживать связь с Силой и окружающими. И Залла сама прекрасно знала, что они подходят друг другу. Как-то раз, когда Кевмо пытался укротить свое неумное стремление окунуться в Силу с головой, она сказала своему падавану, что он нужен ей не меньше, чем и она ему. Наставница призналась, что Кевмо напоминал ей о простой истине: порой полностью отдаться во власть Силы — это правильное решение.

В принципе, Кевмо был бы не прочь остаться ее падаваном навеки.

Залла села и жестом попросила официанта принести еще одну порцию рагу. Эзлин придвинул ей кружку мест-

ного кислого чая. Она поблагодарила джедая, сделала глоток и сказала:

— После еды нужно будет выдвигаться, Кевмо.

— Уже?

— Нас ждут на Хайнестии. Кто-то украл у местной королевы артефакт... Пока сообщение до нас добралось, прошло уже пять дней. — Залла помолчала. На ее лице явно читалось недовольство паршивой местной связью. — Хайнестийцы требуют вмешательства джедаев, а мы с тобой ближе, чем Оливия и Вилдар.

Кевмо, набивший полный рот рагу, с трудом слотнул и спросил:

— Но зачем мы им понадобились? — Парень почти ничего не знал о Хайнестии, если не считать того факта, что хайнестийцы хорошо зарекомендовали себя не только на родной планете, но и во всей своей звездной системе. По этой самой причине они могли похвастать более тесными контактами с джедаями и Республикой, чем множество других планет Внешнего кольца, располагавших куда меньшими запасами кредитов и куда более скромными технологиями. — Им просто нужен кто-то со стороны?

— По всей видимости, украли какой-то артефакт Силы.

— Ого! — Кевмо чуть не опрокинул кружку.

Залла пригубила свой чай и приподняла бровь. Кевмо выпрямился и бросил взгляд на Эзлина, который изо всех сил старался скрыть улыбку. Его искренне веселило воодушевление падавана.

— Элин. — Кевмо наклонился к джедаю, который был немногим старше его самого. — Вы должны полететь с нами.

— Сперва мне надо закончить кое-какие отчеты и ремонтные работы. А потом я должен вернуться на Джеду и обо всем доложить, — сдержанно сказал Эзлин.

Кевмо никак не мог взять в толк, как можно предпочесть составление отчетов погоне за ворами: писаниной же можно заняться в дороге! Но все-таки парень решил, что каждому свое. И джедаи здесь не исключение.

— Очень жаль, — вздохнул он. — Я бы хотел послушать, чем еще вы тут занимались последние годы.

— Скорее всего, тем же самым, чем и ты, — пожал плечами Эзлин.

Кевмо уставился на Эзлина, лицо которого заливал тусклый красноватый свет. Он пытался разглядеть в его глазах намек на усмешку, но тщетно. Кажется, тот говорил вполне искренне. Так что Кевмо кивнул:

— Ясно. Тем же самым.

И затем парень отсалютовал своей кружкой.

ГЛАВА II

Марда Ро закрыла глаза, после чего погрузила три длинных серых пальца в горшочек с голубым пигментом. Она прикоснулась пальцами ко лбу и размазала краску волнами.

Краска едва заметно пахла мелом, которым они толкли брикальские раковины — они-то и придавали ей ярко-голубой оттенок. А еще благодаря входящему в состав связующему веществу в запахе присутствовала сладковатая нотка. Марда вдохнула знакомый аромат и улыбнулась своему отражению в несколько потускневшем зеркале. Она совсем недавно достигла совершеннолетия и стала полноценным членом Тропы открытой руки. Наконец-то она могла по праву носить триединый символ Живой Силы, олицетворяющий свободу, гармонию и ясность. Изгибы голубых линий на лбу наполняли ее ощущением праведности.

Девушка стояла перед зеркалом, полная решимости и готовая к новому дню. Ее личная келья была совсем

крохотной. Здесь она лишь спала на тонком матрасе, расстеленном прямо на голом полу, и хранила немногочисленные пожитки: два длинных неокрашенных балахона, нательное белье, теплый шерстяной плащ, шпильки для волос, горшочек с голубой краской, напильник с кристаллическим напылением для заточки ногтей и зубов, а еще неглубокую миску с водой, в которой плавали три ярко-пурпурных листа.

Марда коснулась одного из листьев, из-за чего все они принялись кружить по поверхности воды, и открыла дверь, легонько дотронувшись до панели. Она надела сандалии, ждавшие ее у порога, и вышла на улицу, в красноватый рассветный сумрак. В этом полушарии Долны царил поздняя весна. Первое солнце поднялось над тройкой заснеженных вулканов, окрасив небо в сияющий фиолетовый цвет. Помимо комнатки Марды, еще несколько таких же келий гнездились подобно медовым сотам у южной границы общины, принадлежавшей Тропе открытой руки. Прямо от крыльца вниз к реке спускался живописный луг, и солнечные лучи блестели на пурпурно-красных листьях стройных деревьев. Весело пели сверчки и травяные квакши, а вдоль дороги, ведущей к главному лагерю, как раз начали раскрываться бутоны лом-хлопушек. Когда Марда проходила мимо, цветы издавали громкие хлопки, за которые и получили свое название. Поскольку торопиться было некуда, Марда решила пойти длинным путем, в обход главного сада общины, наслаждаясь незатейливой красотой своей планеты.

По пути Марда подобрала с земли несколько одиноких лепестков и листьев, а еще — хорошенькое розовое перо озерного ворона. Она брала только то, что уже само

упало на землю. Придя к Тропе, еще будучи детьми, Марда и ее двоюродная сестра росли в постоянных поисках пропитания. Они кормились благодаря собственному труду и принимали добровольные подношения от жителей расположенного неподалеку Фердана. Такой образ жизни привил Марде привычку собирать все, что может принести пользу или хотя бы просто покажется прелестным. Ей нравилось находить ценность в тех вещах, которые любой другой мог бы попросту выбросить, и красоту в том, от чего природа сама избавлялась. Все эти предметы служили какой-то цели, пусть даже эта цель заключалась в том, чтобы заставить старика Вейдена улыбнуться, когда тот получит в подарок красивое перышко.

К тому времени как Марда дошла до сада, где на завтрак уже собралось несколько членов Тропы, в руках у нее набрался небольшой букет. Она разбросала лепестки цветов по краю длинного стола и воткнула перо в жесткие черные волосы старого Вейдена. Старейшина человек в ответ одарил Марду миской каши и теплой улыбкой. Марда уселась на скамейку и прислушалась к разговорам других ранних пташек. Все обсуждали послушников Тропы, которые еще до рассвета отправились на поиски пропитания; говорили о том, как обживаются новые последователи и как продвигается строительство величайшей затеи Матери — корабля, на котором Тропа сможет выйти на космические просторы. «Электровзор» был почти готов, и Марда уткнулась в остатки каши в попытке скрыть свое воодушевление. Ей не терпелось взойти на борт корабля и отправиться с Матерью и ее ближайшими помощниками, Детьми, к звездам. Яна, кузина Марды, была из числа этих везунчиков. Ее выде-

лили из остальных последователей Тропы еще до того, как она начала носить собственный голубой символ свободной Силы. Яна служила Матери на протяжении последних трех лет. В то же самое время Мать поручила Марде заботиться о Малышах — настоящих детях последователей Тропы. Их нужно было обучать основным идеям Тропы и методам земледелия, а также, само собой, чтению и письму. Но теперь, когда Марда стала совершеннолетней, ей хотелось присоединиться к Детям и сестре. Принести свои навыки обучения и идеальное понимание философии Тропы на пользу общине. Обратиться в свою веру живых существ из самых разных уголков Внешнего кольца. Действовать от имени Силы.

Таково ее призвание. Марда не просто знала это, она это чувствовала.

— Будет здорово снова увидеть Фериз и ее партнеров, — сказал Эфрик, один из людей, входящих во внешний круг послушников. — В поиске корней сар Эр Далу нет равных.

Марда не удержалась и сказала:

— По-моему, вылупление произойдет уже сегодня.

Губы Эфрика расплзлись в улыбке, и по всему столу прокатилась волна радостного предвкушения. Фериз и ее партнеры вот уже почти шесть недель находились в полной изоляции в камере для гнездования.

— Это же замечательно! — сказал Эфрик. — Какой удачный день для такого события. Сегодня в Фердане день отдыха, а Глашатай и Совет старейшин предложили нам пригласить новеньких — беженцев с Айрема. Их корабль приземлился два дня тому назад в поисках убежища.

— Хороший способ поприветствовать новых братьев и сестер, — раздался голос детеныша мон-каламари по имени Джезралин, чьи огромные выпуклые глаза часто моргали.

— После минувшей зимы новички будут кстати, — кисло сказал Майкже.

Его бледная, землистого оттенка кожа плотно обтягивала кости — такой он был худой. Марда потупила взгляд, чтобы Майкже не успел заметить ее неодобрения. Зимой Тропе и впрямь пришлось очень нелегко. Прошрое лето выдалось слишком влажным, а затем пришел ужасный мороз. Они долгие месяцы страдали от холода и голода. Но таков путь, если ты живешь в гармонии с Силой. Такова свобода Открытой руки. К тому же теперь о них заботилась Матерь, и получалось у нее куда лучше, чем у них самих до ее появления.

— Беженцы не смогут дать нам многого, — возразил Эфрик.

Марда сделала глубокий вдох, приготовившись к отповеди. Если она хочет работать бок о бок с Матерью, нужно быть готовой защищать Тропу даже от других ее последователей.

— Того, что у них есть, вполне хватит, если они готовы отдать нам это добровольно.

После ее слов воцарилось молчание. Эфрик поморщился, но кивнул, а мон-каламарианское дитя наклонилось поближе к Марде:

— Можно мне пойти с тобой и проверить, как там дела с вылуплением?

— Конечно, — ответила Марда и доела свою порцию каши.

Кто-то предложил сорвать с ветвей речных деревьев шаровые лианы и развесить их в саду в качестве праздничных декораций. Поводов было целых два: грядущее вылупление и встреча новых последователей. Пока все ломали головы, как лучше всего украсить лагерь, и обсуждали, хватит ли остатков меда, чтобы сделать конфетные бусы, Марда сполоснула свою миску и вместе с остальными вернула ее на место, а затем поцеловала старого Вейдена, который отвечал за раздачу еды. Обернувшись, она увидела, что Джезра́лин ждет ее, и кивнула: можно идти.

Вместе они направились в самое сердце общины. Пройдя под шестью выгнутыми дугой водяными соснами, они подошли ко входу в подземную часть лагеря, где располагались хранилища, теплые зимние кельи и камеры гнездования. По пути рот мон-каламари почти не закрывался, и Марда сочла его жизнерадостную болтовню о всяких пустяках совершенно очаровательной. Девушка подумала, что Джезра́лин напоминает счастливую пташку. Когда Марда делала один шаг, мон-каламари приходилось подпрыгивать сразу несколько раз, но эти быстрые дерганные движения были полны жизни.

Подземный комплекс был выстроен в природных пещерах у подножия древней горной цепи. С вышины этих гор лагерь Тропы открытой руки казался всего лишь кучкой из примерно тринадцати зданий, рядом с которыми притулились пять секций с личными кельями. Все сооружения были возведены из ярких темно-розовых блоков местного гранита. Вот только два здания скрывали под собой образовавшиеся вследствие естественного оседания грунта провалы. Последователи Тропы переоборудовали их в безопасные проходы в пещеры.

Эти пещеры обнаружили первые поселенцы, основавшие общину около столетия назад. Теплые подземные жилища стали даром Силы. Со временем последователи Тропы возвели в провалах недостающие стены, прорубили небольшие коридоры в скалах, пропуская внутрь свет и воздух, и установили очень неприхотливую водопроводную систему. Благодаря этим стараниям пещеры стали вполне пригодны для жизни.

Марда ввела код доступа, и они с ребенком спустились под землю. Воздух здесь был теплый и влажный. По мере того как они углублялись в подземные тоннели, тьму озарял неровный свет зажигающихся огоньков.

Почти сразу до них донеслось жужжание камеры гнездования. Марда улыбнулась мон-каламари: именно по этому жужжанию она поняла, что вылупления можно ждать совсем скоро. Остановившись перед дверью в камеру, Марда тихонько поскреблась в нее своими острыми ногтями. Изнутри послышался негромкий ответ, и она кивнула — можно открыть дверь. Дверь немного отъехала в сторону. Марда и Джебзр'алин быстро скользнули в узкий проход и сразу же закрыли дверь за собой. Нужно было сохранить душную влажность, в которой кессарины предпочитали высиживать своих детенышей.

Марда почувствовала, как Джебзр'алин хватается за руку. Их глаза постепенно привыкали к мягкому серебристо-розовому свечению. Камера гнездования была сложена из таких же темно-розовых камней, что и остальные пещеры, но в ее куполе встречались наплывы огненного опала, который искрился и мерцал в слоях каменных пород. Над их головами, на поверхности земли, опаловые вкрапления смотрели прямо в небо, и когда вставали

солнца, камни пропускали их свет в камеру. А под сандалиями гостей мягко шуршали зернышки мелкого гравия.

Пять яиц идеально сферической формы лежали, прижавшись друг к другу, в центре камеры, излучая тусклое желтовато-жемчужное сияние. Фериз свернулась калачиком рядом с ними. Одну руку она положила на одно из яиц, а хвостом обвила остальные — и двоих своих партнеров. Они оба были меньше Фериз, но зато каждый мог похвастать сразу несколькими хвостами. Один кессарин тихонько похрапывал, положив голову меж двух яиц. Другой, завидев Марду, помахал ей перепончатой лапой. Марда протянула руки вперед, раскрыв ладони, и кивнула в знак приветствия. Потом она слегка подтолкнула мон-каламари локтем, заставив повторить свои действия. После этого гости опустили на колени рядом с Фериз.

— Уже сегодня? — тихо спросила Марда.

— Не позднее чем через час, — ответила мать-кессаринка.

Марда протянула руку к ближайшему яйцу и осторожно коснулась его поверхности кончиками трех пальцев, стараясь не причинить вреда своими ногтями, напоминавшими когти хищной птицы. Скорлупа была теплой и очень прочной. Когда кессаринка только-только отложила яйца, они были гораздо мягче: их поверхность казалась студенистой. Марда провела тремя пальцами по яйцу, рисуя волнистые линии, и прошептала:

— Сила будет свободной.

Кожистые гребни на щеках Фериз обвисли. Марда знала, что так кессарины улыбались, поэтому повторила несложный ритуал с четырьмя оставшимися яйцами. Мон-каламарианское дитя рядом с ней чуть ли не

тряслось от возбуждения. Когда Марда задержала руку на скорлупе последнего яйца, оно вдруг задрожало под ее ладонью.

Оба партнера Фериз приподнялись. Их сон как рукой сняло. Они придвинулись еще ближе, быстро переговариваясь на своем языке. Тот кессарин, что ранее помахал Марде рукой, сказал:

— Пора.

И три инородца мелодично загудели, подхватив мерное урчание яиц. Иногда они немного меняли интонацию. Джезралин и Марда переглянулись.

— Беги Расскажи старейшинам, — велела девушка.

Мон-каламари тут же подскочил и рванул к выходу.

В тусклом серебристо-розовом свете треснула скорлупа первого яйца. Родители продолжали ободряюще гудеть и ласково ворковать. Не успел появиться первый детеныш, как трещина пошла по поверхности второго яйца. Марда собрала осколки скорлупы и спрятала в укромной нише в стене пещеры. Они еще могут ей пригодиться. Все ее тело, казалось, звенело в благоговейном трепете перед актом рождения. Она практически чувствовала, как с появлением новой жизни сама Сила становится сильнее.

По спине девушки струился пот, когда она подняла одного из детенышей, держа обеими руками его крошечное, свернутое калачиком тельце, пока Фериз вытирала слизь с узловатых гребешков. Потом кессаринка повернулась к следующему яйцу, оставив Марду возиться с первым младенцем. Детеныш был почти невесомым и быстро-быстро дышал, жалобно поскуливая. Марда поцеловала нововылупленного в липкий лобик и расмеялась, опьяненная счастьем. Крошечные яйцевые

зубы выдавались у малыша вперед подобно маленьким бивням. Марда знала, что скоро они выпадут. Девушка невольно задумалась: удастся ли подкараулить момент и поймать их? Есть ли от яйцевого зуба какая-то польза? Марда широко улыбнулась, демонстрируя детенышу свои собственные острые зубы. Вот только малыш щурился и почти не мог открыть глаза из-за корки слизи. Нужно скорее его умыть.

И в этот момент Фериз вручила ей следующего детеныша. Марда прижала двух маленьких кессаринов к груди, пока их родители занимались оставшимися яйцами. Девушка села возле раковины, скрестив ноги, открыла кран с прохладной водой и наполнила купель. Уложив малышей себе на колени, она принялась осторожно их умывать.

К тому времени как вылупился последний детеныш, первый кессаринчик уже широко раскрыл глаза и жевал кончик гладкой черной косички Марды. Один его яйцевой зуб уже успел выпасть, хотя у второго младенца они оставались на месте.

— Марда! — раздался знакомый радостный голос Яны.

Кузина, которая была чуть старше Марды, присела рядом с ней на корточки. Она нарядилась в полное облачение Детей: золотисто-зеленый балахон дополняли сапоги и бластер, притороченный с внутренней стороны плеча. Марда нахмурилась, увидев оружие.

А потом она огляделась и увидела, что камера гнездования уже битком набита последователями Тропы. Их собралось здесь по меньшей мере тридцать. Все они толпились вдоль стен с прожилками опала, улыбались

и окружали заботой разросшуюся семью. Фериз со своими партнерами склонили головы на плечи друг другу и нежно переплели хвосты.

— Ой, все здесь! — воскликнула Марда. Она вручила одного из детенышей Яне. Та скривилась, но не стала отказываться. Марда поднялась на ноги, держа в одной руке другого младенца, и постучала пальцем по голому серому лбу сестры. — А где краска?

— Торопилась, — объяснила Яна и игриво клацнула зубами, улыбаясь детенышу, которого держала на вытянутых руках.

— Вот так. — Марда показала, как нужно держать малыша, но Яна только рассмеялась и, отмахнувшись, вручила его мон-каламари, заметив, что Джебзэралин уже пританцовывает от нетерпения.

— Не обязательно их мне отдавать. Есть столько желающих. Но полно, кухня, тебе тоже не мешает привести себя в порядок.

Марда неохотно вручила малыша Фериз. Та ласково дернула Марду за косичку, и девушка позволила кухне утащить себя из камеры гнездования на свет.

Марда удовлетворенно вздохнула, а Яна тем временем потянула ее за собой. Они прошли через весь лагерь и направились в поля.

— Куда? — спросила Марда.

Но сестра только фыркнула и кивком указала в сторону реки.

И они побежали. Яна была старше и сильнее, да и обувь у нее лучше подходила для состязаний в скорости. Марда, конечно, была довольно ловкой и быстрой, но все равно проиграла. Яна поджидала кухню на берегу,

а когда та подошла, неожиданно оторвала ее от земли и бросила в воду.

С громким визгом Марда плюхнулась в реку прямо в одежде и погрузилась на илистое дно. Она раскинула руки и ноги, упиваясь толчками воды, влекомой течением, и распустила волосы. Река приняла девушку в свои объятия. Даже когда Марда вынырнула на поверхность, шумно вдыхая воздух, вода липла к ее коже и волосам, и девушка наслаждалась этим ощущением. Вот она, жизнь. Вот она, Сила. Вот она, свобода Тропы. В их рядах прибыло. Только что на свет появилось пять живых существ, а еще к ним совсем скоро присоединятся беженцы, и их число возрастет еще больше. Она знала, что это неизбежно.

Накупавшись, Марда отжала волосы и стащенный с себя балахон, потом снова оделась и выбралась на берег, к Яне. Кузина прислонилась спиной к стволу дерева, рассеянно теребя пальцами завитки осыпающейся коры.

— Готова? — спросила она.

— Мне нужно заново нанести краску, — ответила Марда. — У меня еще немного осталось.

И они молча пошли к кельям: Марда — радуясь обществу кузины, а Яна — как будто чего-то выжидая. Никто из них не проронил ни слова, пока Марда не переделалась в сухой балахон. Она предложила Яне воспользоваться своими запасами голубого пигмента, и сестры помогли друг другу нанести на лоб волнистые линии, приговаривая:

— Сила будет свободной.

Марда уже не помнила жизни до Тропы открытой руки, но что-то ей подсказывало, что у Яны еще сохранились воспоминания о той поре. Две кузины были един-

ственными эверени в общине. И, откровенно говоря, они вообще не слышали о других представителях своей расы. У девушек были вытянутые конечности и светло-серая кожа, острые зубы и ногти, а еще бездонные черные глаза, в которых отражался только темно-синий цвет. Однажды кто-то в Фердане назвал их разрушителями планет, и Яна злобно огрызнулась в ответ, но Марда не обратила на это замечание особого внимания. Эверени тоже были частью Силы. Тогда они были еще совсем юными. Еще до того, как Яна нашла свое место среди Детей. До того, как Марда по-настоящему осознала свободу Тропы.

Теперь, когда лица сестер украшали одинаковые голубые волны, их родство еще больше бросалось в глаза. Хотя работа и высокое положение Яны позволили ей неплохо откормиться, а Марда оставалась все такой же гибкой и сухощавой из-за недостатка полезной пищи. Но обе выглядели гармонично, и в их внешности сквозила какая-то угроза. Из этой особенности Яна постоянно пыталась извлечь выгоду, а Марда, напротив, старалась не привлекать к ней внимания. Робко опущенные ресницы и вежливость девушки помогали ей казаться гораздо мягче кузины.

Девушки направились обратно в сад общины, чтобы помочь с подготовкой к торжествам. Они шли в приятном молчании, пока из ближайшего городка, Фердана, не взмыл, прочертив в небе дугу, грузовоз. Визг его двигателя распугал стайку озерных воронов, которые бросились врассыпную радужными пятнами на фоне густой небесной синевы.

Яна остановилась и проводила взглядом исчезающий в вышине корабль. Потом она сказала:

— Сегодня вечером мы снова улетаем.

Марда с трудом подавила вздох.

— Я хочу с тобой.

— Тебе нельзя, — безапелляционно возразила Яна. Она снова зашагала по направлению к саду. — Это не твоя работа.

— Я могу делать все то же, что и ты, — настойчиво продолжала Марда. Затылок у нее горел от воодушевления, хотя волосы все еще оставались тяжелыми и прохладными от купания. — Я умею налаживать контакт с окружающими. Могу зазывать их в наши ряды! Нести наше слово. Это все, чего я хочу. У меня же хорошо это получается.

— Спесь, — поддразнила ее кузина.

— Справедливость, — возразила Марда. — Уверенность в себе важна для тех, кто говорит от имени Тропы. Яна коснулась ее запястья.

— Этим могут заниматься только Дети.

— Я готова, — не сдавалась Марда. — Я могу служить Матери. Знаю, что могу. Яна, она находится в такой гармонии с Силой, с Тропой. Я смогу освоиться, смогу стать членом экипажа. Стать одной из Детей.

Яна бросила на сестру косой взгляд. Было в выражении ее лица что-то такое, что Марда никак не могла расшифровать. Это настораживало.

— Ты знаешь, чем еще мы занимаемся.

Марда почувствовала, как вспыхнули щеки.

— Освобождаете артефакты Силы из рук тех, кто злоупотребляет их могуществом.

— Освобождаем. — Яна фыркнула. Ее развеселил такой выбор слова. — В народе это называется воровством.

— Но это необходимо, чтобы уравновесить Силу. Чтобы ей служить. — Марда упрямо вздернула подбородок. — Сила дарует Матери видения. С их помощью вы узнаете, куда отправиться и как добыть артефакты.

— Я и без тебя знаю, как все это работает, милая кузина.

Голос Марды смягчился:

— Я быстро учусь. Ты могла бы стать моей наставницей.

Яна снова остановилась и изучающе посмотрела на сестру. Иногда в лице и глазах Яны появлялось что-то такое, из-за чего даже Марда не могла понять, о чем она думает. Марда знала, что Яна верит в Тропу и прилежно служит Матери. Что ни говори, а ей нравилось выполнять поручения за пределами планеты. Но порой Марда беспокоилась, что их с кузиной ждет совершенно разное будущее.

Наконец Яна сказала:

— Можешь ее попросить, но она наверняка откажет.

Марда решительно щелкнула острыми зубами.

Воздух в главном саду гудел от гомона и звона колокольчиков. По всему саду были развешаны шаровые лианы всевозможных оттенков зеленого и синего. Всюду красовались гирлянды и букеты из ветвей вечнозеленых растений, а из четырех углов сада поднимались вверх клубы белого дыма благовоний.

Марда заметила Фериз и ее партнеров, которые уютно устроились с малышами на мягких пледах и радостно принимали поздравления. Длинный стол был уставлен чашами с сидром, маленькими башенками медовых конфет, бутылками вина из ягод ностра, должно быть, при-

несенными из города. Еще на столе стояли засахаренные фрукты и коробки с десертами — последние уж точно из города. Большинство собравшихся было одето в простые балахоны Тропы, но встречались среди них и другие наряды: здесь присутствовали новые послушники и просто гости общины. У дороги, которая вела к Фердану, за внимание собравшихся соперничали два маленьких музыкальных дроида. Марда с трудом удержалась от смеха, слушая, как они пытаются заглушить друг друга грохотом ударных инструментов.

Но тут девушка заметила Матерь.

Ах, она буквально излучала красоту и свет! Облаченная в голубую тунику с серебристым подкладом и искусно подвязавшая волосы платком, она улыбалась и увлеченно разговаривала о чем-то с группкой ферданцев. Они склонились к ней, глубоко впечатленные, как это обычно бывало со всеми, с кем Матерь заводила беседу.

Первым делом Марда намеревалась глотнуть сидра и поприветствовать почетных гостей, но тут она вновь почувствовала знакомое непреодолимое желание и решительно направилась прямо к Матери. В голове звенело. Момент настал. Утро у нее выдалось великолепное. Это было утро новой надежды и прилива Живой Силы. Удачный день, как сказал Эфрик. О да, именно так. Марде даже показалось, что и она сама лучится гармонией и жизнью.

Когда она приблизилась к Матери, та обернулась и заметила девушку. Ее теплые карие глаза расширились — она явно была рада видеть юную эверени. Не успела Матерь ничего сказать, как Марда упала перед ней на колени.

— Матерь, — взмолилась она, раскрыв ладони и высоко подняв голову. — Матерь, позвольте мне полететь

с вами. Позвольте встать рядом с вами. Позвольте держать ладони раскрытыми и делиться нашей верой... нет, нашим истинным пониманием Силы с прочими обитателями Внешнего кольца. Я готова.

Мать изучающе посмотрела на нее. Разговоры вокруг стихли. Все ждали ответного слова. Тихий шепот ветра и воркование кессаринов со своими детенышами нарушал лишь музыкальный шум двух дроидов.

Когда прорицательница протянула ей руку, Марда улыбнулась. Мать коснулась виска девушки в том месте, где заканчивались голубые волнистые линии. Она с любовью погладила эверени по щеке, и Марда склонила голову, наслаждаясь ее прикосновениями.

Но потом все с той же восхитительной улыбкой Мать сказала одно-единственное слово:

— Нет.

ГЛАВА III

Яна Ро привалилась к одному из столов с едой. Настоящий пир горой для последователей Тропы, но для Детей, которых в каждом путешествии ожидало ни с чем не сравнимое изобилие, это были лишь жалкие крохи. Эверени поковыряла фрукты. Есть не хотелось, но нужно было чем-то себя занять, чтобы не наблюдать за очередным позором кухни.

Вопреки раздражению, которое она испытывала, зная, что Марда не последует ее совету, Яна никак не могла отвести взгляда от сестры, когда та подошла к Матери и бухнулась на колени.

— Какая же ты восхитительная дура, — прошептала Яна в тот момент, когда Мать в очередной раз отказалась внять мольбам Марды.

Плечи Марды обмякли, даже несмотря на ласковую ладонь Матери на ее щеке. Девушке ужасно хотелось попасть в ряды Детей. Но, несмотря на очевидно сильную

веру в Тропу и в Матерь, она была слишком честной, чтобы стать воровкой. Пусть даже во имя справедливости.

— О нет, — раздался знакомый голос. — Марда снова взялась за свое?

Эверени обернулась через плечо. К ней приблизилась Кор Плаут, дочь Глашатая и близкая подруга самой Яны. Наутоланка обвила руками талию Яны. Ее головные отростки пощекотали Яне ухо, когда Кор положила подбородок девушке на плечо. Потом Кор наклонила голову, нахмурилась и прищурила огромные темные глаза, лишенные зрачков:

— Ты расстроена.

— Разочарована, — поправила ее Яна. Иногда ее раздражала чрезмерная чувствительность головных отростков Кор и их способность распознавать даже мельчайшие изменения в феромонах, вызванные эмоциональными переживаниями. Но если Кор и совала нос в ее дела, то только потому, что проявляла искреннюю заботу. Так что Яна подняла руку и ласково погладила один из отростков на голове подруги. — Марде никогда не стать одной из нас. И мне больно от того, что она продолжает пытаться.

— Нельзя винить ее за то, что у нее есть цель. Тем более столь благородная, — заметила Кор и внезапно отстранилась. — Пойдем. Синси уже готовит инструктаж. Мы же не хотим опоздать.

Яна кивнула и в последний раз бросила взгляд на кухню, прежде чем поспешить за Кор, широким шагом удалявшейся прочь. Марда все еще стояла на коленях в траве, но вокруг нее собралось несколько старейшин. Они утешали ее, гладили по спине и говорили слова поддержки.

Большинство жилищ Тропы располагалось в подземной сети пещер. Старейшины были убеждены, что столь экономически выгодное жилье им предоставила сама Сила. Но была в общине и кучка ветхих хозяйственных построек на поверхности, а еще приземистые домики, предназначенные для самых многочисленных семей и для тех немощных, кому постоянные спуски под землю были не под силу. Позади всех этих строений находились владения Синси. Лачуга выглядела совсем непрезентабельно, и все же именно здесь располагался мозговой центр общины. Отсюда велись все коммуникации.

Обмен сообщениями с родными и близкими, не примкнувшими к Тропе, не возбранялся, но и не поощрялся. Связь с чужаками могла легко омрачить сияние Тропы. Синси, человеку неопределенного пола и обладателю темной кожи и резкого смеха, было не больше двадцати лет. На этих юных плечах лежало управление всеми коммуникациями и, если в этом возникала необходимость, цензурирование исходящих сообщений от имени старейшин. Но куда более важной частью работы Синси был сбор информации. Полученные сведения облегчали Детям выполнение их истинных целей за пределами Долны.

Когда Яна и Кор вошли внутрь, хозяйское антигравитационное кресло резко развернулось в их сторону. На лице Синси сияла улыбка.

— Наконец-то! Триз уже собирался идти вас искать.

Розовокожий миккианин с извивающимися головными щупальцами сидел на столе, слушая Синси. Он крутанул на пальцах метательный нож и хихикнул.

— Вам что, правда взбрело в голову наведаться на этот праздник вербовки?

— Вербовка — не единственный повод. У кессаринов выдупились детеныши. Мы чувствуем новую жизнь, — отрезала Кор.

Она сверкала своими темными глазами, подначивая Триза возразить. Кор сильнее всех из Детей верила в учения Тропы. Ее семья была в неоплатном долгу перед Тропой, а с тех пор как мать Кор, Опари, слегла с болезнью, они стали еще более преданными последователями. А это все-таки о чем-то да говорило, учитывая, что отец Кор был Глашатаем и проводил большую часть времени в служении Матери и Совету старейшин.

Триз считал, что все это глупости, и частенько говорил, будто единственное, что сподвигло его семью присоединиться к Тропе, — это попытка сбежать от долгов. Главной причиной появления Синси стали проповеди Матери, поскольку здесь жить оказалось лучше, чем промышлять воровством на нижних уровнях Корусанта. Яна уже особо и не помнила своей жизни до Тропы. Они с Мардой очутились на Долне еще детьми, после того как в результате ужасного нападения погибли их дедушка и бабушка, а также отец Яны. Всю сознательную жизнь девушка провела вместе с Тропой. И все-таки ревностные речи Марды или Кор о том, что Сила должна быть свободной, не вызывали у Яны ничего, кроме скуки. Насколько она могла судить, Сила — всего лишь еще один кусочек в огромной мозаике Галактики и в ней нет ничего особенного. За исключением того, что некоторые становятся из-за нее настоящими фанатиками. Но в любом случае Тропа была ее домом. Пока что. Возможно, это лучшее, на что могли претендовать зверени.

И пусть Яну не особенно заботила сама Тропа, ей нравилось то, чем занимались Дети. Да и не так-то просто подавить в себе желание впечатлить Матерь. С тех пор как несколько лет назад к ним присоединилась прорицательница со своими видениями и страстным желанием освободить Силу, последователи Тропы почувствовали себя в куда большей безопасности. Ощутили свое величие.

И даже Триз взирал на Матерь с благоговейным трепетом.

— Ну, что ищем на этот раз? — спросила Яна.

Пальцы Синси забегали по кнопкам, и перед Детьми появилась голограмма: узкий нож с черным лезвием.

— Это кинжал Силы, и в сообщении четко сказано, что нам нельзя вынимать его из ножен. По слухам, в нем заключено какое-то зло или что-то в этом духе. Одно неверное движение, и можно оказаться отрезанным от Живой Силы.

— Это невозможно, — сказала Кор, в ужасе отпрянув от голограммы. — Сила — это часть нас. Часть всего вокруг.

— Лучше перебдеть, чем недобдеть, — пробормотала Яна, залезая на высокий табурет.

Кор тем временем уселась рядом с Тризом на единственный стол в комнате. Триз что-то зашептал ей на ухо, и взгляд наутоланки скользнул по Яне, но та не обратила внимания. Должно быть, Триз опять несет какую-то бантову чушь про то, что эверени нельзя доверять. Яна знала о репутации своей расы в Галактике, и они с Кор не раз это обсуждали. Ее подруга все понимала и заверяла, что никакие слова Триза не способны повлиять на ее отноше-

ние к девушке. Яна считала подобные заявления чересчур наивными, но в то же время очаровательными.

Все эверени рано или поздно усваивают, что доверие — это слабость. И это был один из тех жизненных уроков, к которым Яна относилась очень серьезно. Она еще помнила истории о том, как однажды под покровом ночи безжалостно вырезали ее семью. К тому же девушка не первый день жила в Галактике и знала, что основной принцип жизни здесь: убей или умри. В том числе и поэтому ей хотелось, чтобы Марда не покидала Долну: пусть хоть кто-то из их рода окажется лучше остальных. Марда искренне доверяла окружающим и заботилась о них. Ее доброе сердце еще ни разу не ведало боли. Жестокость Галактики сломает ее. Далеко не все добры так, как последователи Тропы. И далеко не везде есть своя Мать, готовая защитить.

— Яна, что думаешь? Сможешь взломать эту штуку? — голос Кор вырвал Яну из раздумий.

Она заморгала и прищурилась, снова взглянув на голограмму в центре стола. Кинжал исчез, и на его месте появился макет охранной системы.

— Видимо, скоро выясним, — уклончиво ответила эверени.

Яна не собиралась говорить, что прослушала предыдущие слова Синси, чей взрывной характер после подобного признания мог привести к очередной бесполезной перепалке.

Однако по неодобрительному взгляду Синси Яна поняла, что ее рассеянность не осталась незамеченной.

— Ладно, давайте еще разок повторим. Кинжал хранится в защищенной ячейке на республиканском складе

в Порт-Хейлипе, вместе с целой коллекцией оружия. Не исключено, что там есть и другие артефакты Силы. В своем сообщении наша осведомительница сообщила, что гнусный кинжал затуманил ее взор и не позволил узреть другие предметы. Верфи и сама станция довольно новенькие, но там еще не успели внедрить нормальную систему безопасности. Так что вам придется завести привычную шарманку: «Вступите в ряды Тропы, защитите Силу, бла-бла-бла». Триз запустит пожарную тревогу вот тут, в главном коридоре. Тем самым отвлечем местных, а Яна взломает систему безопасности и откроет охраняемую зону. Кор прихватит вещички, и сразу после этого вы вместе с остальными Детьми постараетесь завербовать новых последователей. Вопросы? — Взгляд Синси бурвил Яну.

— Как мы туда попадем? — спросила Кор.

Одобрительный кивок Синси:

— Сегодня утром Триз закончил ремонт неисправной матрицы на «Гармонии». Яна, а новый идентификатор уже готов?

Яна кивнула:

— Занялась им сразу же после прошлой вылазки. После того как мы освободили хайнестийский артефакт, Глашатай не хочет, чтобы мы привлекали лишнее внимание.

Глашатай был первоначальным лидером Тропы. Прислушиваясь к советам старейшин, он руководил остальными последователями, но теперь все в первую очередь внимали словам Матери. В конце концов, она же прорицательница. Отец Кор был серьезным и мрачным наутоланином, который еще в молодости лишился своих головных отростков. Подобно многим другим членам Тропы,

он еще юнцом прилетел на Долну в поиске места, где его будут ценить и принимать, несмотря на увечья. Поначалу он противился делам Детей, но Матерь со своим четким пониманием Силы и очевидным желанием собрать артефакты ради всеобщего блага смогла его переубедить. Вместо того чтобы просто жить в гармонии с Силой, они начали действовать во имя установления еще более прочного равновесия в Галактике.

— Есть что вспомнить, — с ностальгической улыбкой произнес Триз. Тонкие розовые щупальца на его голове медленно извивались, и их движения завораживали. — Вошли и вышли, никто и глазом не моргнул. Почему каждое наше дело не может проходить как по маслу?

— Потому что некоторые забывают, что наши миссии — это вовсе не пробы на третьесортное голошоу, — отрезала Кор, встав со стола. — Ну что, приступим. Чем раньше начнем и закончим, тем лучше. Я не хочу пропустить День имянаречения для нововылупленных. Хватит и того, что мы пропустили само вылупление.

— Сила простит вам этот грех. Особенно когда мы найдем финансы для окончания строительства «Электровзора». Ведь тогда мы сможем донести идеи Тропы до всех обитателей Галактики, — раздался нравоучительный голос Синси. — Вылетаем завтра, но только туда и обратно. Имянаречение лучше не пропускать. Глашатай куда менее всепрощающ.

Яна, Кор и Триз вышли из лачуги и направились в сторону Фердана, где они оставили корабль Тропы. Там их уже ждали комнаты для ночевки — вдали от глаз последователей Тропы, дабы спокойно подготовиться к предстоящей вылазке. Яна понимала, что такие меры

предосторожности связаны с желанием Глашатая максимально скрыть их космические путешествия. Но, с другой стороны, ночевка в городе предоставляла Детям возможность оттянуться перед серьезной работой на полную катушку. Как только они окажутся в Фердане, можно будет скинуть с себя балахоны и хорошенько повеселиться, хотя бы на одно чудесное мгновение забыв про все заботы.

Кор взяла Яну под руку, и та усмехнулась, заметив, что Триз подозрительно прищурился.

— О чем вы там шептались? — спросила эверени, когда миккианин, громко топая, обогнал их.

— А, ерунда. Ничего особенного.

Яна кивнула, и Кор сменила тему, заговорив о вылуплении. Но глубоко внутри Яна гадала, когда же Триз наконец перестанет приносить Тропе хотя бы минимальную пользу.

Ведь как только это произойдет, она покажет ему, насколько может быть опасно иметь дело с эверени.